
Лиссбет Котцова
ЧУЖАЯ ЖЕНА
В ЗАМКЕ ПРЕДАТЕЛЯ
16+

Лиссбет Котцова
Чужая жена в замке предателя

https://litres.ru/74818657

Аннотация

В моём мире Рейнарда Вольфена помнят как предателя. В этом мире он стал моим мужем.

Как историк я привыкла изучать прошлое по хроникам. Теперь живу внутри истории: в теле Элианоры, южной красавицы, выданной замуж за сурового северного лорда. Его имя однажды проклянут, и я знаю об этом раньше тех, кто делит с ним стол и кров.

В мрачном замке даже собственные люди сомневаются в своём господине. Корона требует войска, род Элианоры хранит опасные секреты, а зеркало в запертой комнате связано с моим появлением здесь.

Чем ближе я узнаю Рейнарда, тем меньше верю тому, что читала о нём. Мужчина, которого назовут предателем, отказывается предать Север.

Я хотела спасти себя. Теперь всё чаще думаю, как спасти его. Но хватит ли мне смелости встать рядом, когда против него окажется весь мир?

Содержание

Глава 1. Дорога к Волчьему Утёсу 4
Глава 2. Северный Волк 16
Глава 3. Письмо без памяти 26
Конец ознакомительного фрагмента. 27

Глава 1. Дорога к Волчьему Утёсу

Сначала я услышала колёса.

Они били по камням глухо, неровно, будто кто-то тащил меня не по дороге, а по костям. Потом пришёл холод. Он забрался под кожу, под тонкую ткань платья, в пальцы, в горло. Я попыталась вдохнуть глубже — и закашлялась.

Пахло сырой шерстью, мокрым деревом и лошадьми.

Не больницей.

Не моей квартирой.

Не пыльным читальным залом, где я, кажется, заснула над копией хроники.

Я открыла глаза.

Надо мной качался потолок кареты — тёмный, низкий, с трещиной в углу. В маленькое окно бил серый свет. За стеклом мелькали голые ветви, чёрная дорога и спины всадников в плащах.

Я лежала на сиденье, укрытая тяжёлой накидкой. Руки дрожали. Не от страха даже — от холода и какой-то чужой слабости в теле.

Чужой.

Я поняла это не сразу.

Сначала увидела пальцы. Тонкие, белые, с аккуратными ногтями. На моей правой руке никогда не было такого перстня: узкое золотое кольцо с красным камнем, похожим на кап-

лю застывшей крови. На запястье — след от ленты или браслета. Кожа была натёрта до розового.

Я резко села.

Карета качнулась. Голова отозвалась болью так сильно, что перед глазами поплыли тёмные пятна.

— Миледи?

Голос прозвучал напротив.

Я вздрогнула и вжалась в стенку.

На другом сиденье сидел мужчина в тёмной дорожной рясе. Лет пятидесяти, худой, с усталым лицом и внимательными глазами. На груди у него висел круглый знак из тусклого металла — солнце без лучей или глаз в ободе.

Он держал в руках чётки.

— Не вставайте резко, — сказал он. — Дорога тяжёлая. Вы снова побледнели.

Снова?

Я открыла рот, но вместо нормального вопроса выдохнула:

— Где я?

Мужчина нахмурился.

Не испуганно. Настороженно.

— На северной дороге, миледи. До замка осталось меньше часа.

— До какого замка?

Он медленно опустил чётки на колени.

В карете стало очень тихо. Только колёса продолжали гро-

хотать, да за окном фыркали лошади.

— До Волчьего Утёса, — произнёс он осторожно. — Владения вашего мужа.

У меня похолодело внутри.

Не потому что я поняла.

Потому что не поняла ничего.

— Моего… кого?

Мужчина посмотрел на меня так, как смотрят на больного, который внезапно заговорил чужим голосом.

— Миледи Элианора, — сказал он. — Вы должны успокоиться.

Элианора.

Имя ударило в память не мою, но знакомую. Я где-то видела его. В строках. В сносках. В чёрной печати на отсканированной странице.

Элианора де Рош.

Я сжала край накидки.

— Как вы меня назвали?

— Леди Элианора Вольфен, — теперь уже твёрже сказал он. — В браке — Вольфен. До брака — де Рош.

Мне стало трудно дышать.

Вольфен.

Нет.

Этого не могло быть.

Я знала это имя. Не как фамилию из сна, не как случайное слово. Я писала его в заметках. Обводила карандашом в

распечатке. Спорила с научным руководителем, что поздние хронисты слишком удобно свалили всё на одного человека.

Рейнард Вольфен.

Хранитель Северной Марки.

Предатель короны.

Человек, из-за которого, если верить хроникам, Вальдрейн захлебнулся войной.

Я подняла руку к лицу. Коснулась щеки, губ, подбородка. Кожа была гладкой, лицо — уже, чем моё. Волосы, выбившиеся из-под капюшона, оказались не моими: тёмно-каштановые, длинные, мягкие.

— Зеркало, — прошептала я. — У вас есть зеркало?

— Сейчас не время.

— Дайте мне зеркало.

Мужчина помолчал, потом достал из сумки маленькую отполированную пластинку в серебряной оправе.

Я почти вырвала её из его рук.

На меня смотрела незнакомая молодая женщина. Бледная. Красивая. С огромными испуганными глазами. Не я.

Я не закричала.

Наверное, потому что крик застрял где-то глубже горла.

Карета подпрыгнула на яме. Зеркальце выпало у меня из пальцев и ударилось о пол.

— Миледи!

Мужчина потянулся ко мне, но я отпрянула.

— Не трогайте меня.

Слова прозвучали слишком резко. Он замер.

Снаружи кто-то постучал по стенке кареты.

— Отец Бертран! Всё ли спокойно?

Священник — если он был священником — повернул голову к окну.

— Леди устала, сэр Осрик. Езжайте дальше.

Всадник что-то проворчал, но отъехал.

Отец Бертран.

Сэр Осрик.

Волчий Утёс.

Рейнард Вольфен.

И я — Элианора.

Нет. Не я.

Я Алина Морозова. Двадцать восемь лет. Аспирантура. Кофе вместо сна. Стол у окна. Стопка книг о династическом кризисе Вальдрейна. Последнее, что я помнила: пальцы на странице, строчка про измену Северного Волка, резкая боль в виске…

А потом колёса.

— Что со мной произошло? — спросила я тише.

Бертран долго смотрел на меня. В его взгляде была жалость, но под ней — страх.

— Вы плохо перенесли дорогу. И брак.

— Брак?

Он осторожно поднял с пола зеркальце, протёр рукавом и убрал обратно.

— Обряд был совершён три дня назад. В часовне Святой Элоры. При свидетелях дома де Рош и представителе Северной Марки. Вы помните?

Я молчала.

Если скажу “нет” — что будет?

Обморок? Безумие? Одержимость?

Этот мир — если это действительно он — не знал психотерапии, скорой помощи и неврологов. Зато знал монастыри, костры и людей, которые объясняли всё непонятное тьмой.

Я заставила себя опустить глаза.

— Смутно, — сказала я.

Бертран выдохнул почти незаметно.

— Это пройдёт. Дорога, страх, новая жизнь… Женщины иногда теряют силы после таких перемен.

Женщины.

После таких перемен.

Мне захотелось рассмеяться. Не весело — страшно. Я проснулась в чужом теле, с чужим именем, чужим мужем и, возможно, в мире, который до этого считала исторической загадкой. А он называл это “переменами”.

За окном дорога пошла вверх. Карета стала двигаться медленнее. Сквозь щель в занавеске я увидела серые холмы, низкое небо и лес, тёмный, будто обугленный. Здесь не было южного тепла из хроник де Рош. Ни виноградников, ни белых стен, ни ленивых рек.

Север.

Северная Марка.

В источниках её называли суровой окраиной королевства. “Пограничный щит Вальдрейна”. “Земля воинов и мятежников”. В поздних хрониках — почти рассадник измены.

Сейчас это выглядело проще: грязь, холод, мокрые плащи и люди, которые ехали молча, будто берегли силы даже на слова.

Я снова посмотрела на кольцо.

— Рейнард Вольфен… — произнесла я почти беззвучно.

Бертран услышал.

— Милорд ждёт вас у ворот.

Внутри всё сжалось.

— Какой он?

Священник не ответил сразу.

Плохой знак.

— Справедливый, — наконец сказал он.

— Это не ответ.

Он посмотрел на занавеску, за которой стучал дождь.

— На Севере справедливость редко бывает мягкой.

Я закрыла глаза.

В голове всплыла строка из хроники: “В год смерти Адриана Третьего Рейнард Вольфен нарушил клятву, открыл северные дороги врагам и тем обрёк королевство на кровь”.

Я помнила, как спорила с этой фразой. Слишком гладкая. Слишком удобная. Хроники не любят сложных виноватых — им нужны понятные.

А теперь этот человек был моим мужем.

Нет. Мужем Элианоры.

Я не успела додумать.

Карета резко остановилась.

Снаружи раздались голоса. Лошади забили копытами. Кто-то крикнул команду. Загремела цепь — тяжёлая, металлическая, протяжная. Потом ещё одна.

Я подняла занавеску.

И увидела Волчий Утёс.

Замок стоял на чёрной скале над рекой, будто вырос из неё. Серые стены уходили в туман. Башни были узкие, мрачные, с тёмными щелями бойниц. Над воротами висел герб: чёрный волк на серебряном поле.

Он не рычал.

Просто смотрел вниз.

Так смотрят те, кто давно решил, кто здесь чужой.

Карета въехала во двор. Под колёсами захлюпала грязь. В воздухе пахло дымом, железом и мокрыми лошадьми. Люди остановились, чтобы посмотреть на меня. Солдаты. Слуги. Женщины у крыльца. Никто не улыбался.

Дверцу открыли.

Холод ударил в лицо.

Я вышла не сразу. Ноги плохо слушались. Подол тяжёлого платья зацепился за ступеньку, и я едва не упала. Чья-то рука поддержала меня под локоть — жёстко, без нежности.

Перед каретой стоял высокий мужчина в тёмном плаще.

Без короны. Без блеска. Без придворной красоты.

Тёмные волосы, мокрые от дождя. Суровое лицо. Шрам у скулы. Серые глаза, в которых не было ни радости, ни любопытства — только холодная внимательность.

Он смотрел на меня так, будто я была не женщиной, а запечатанным письмом, которое могло оказаться приказом о казни.

Я поняла раньше, чем кто-то произнёс его имя.

Рейнард Вольфен.

Северный Волк.

Мой будущий палач. Или человек, которого я должна была спасти от предательства.

Он сделал шаг ближе.

Я заставила себя не отступить.

— Леди Элианора, — сказал он.

Голос был низкий, спокойный. От этого стало страшнее.

Я должна была ответить правильно. Наверное, назвать его милордом. Мужем. Поклониться. Протянуть руку. Сделать что-то, что сделала бы настоящая Элианора де Рош.

Но я не знала её.

Не знала его.

Не знала правил.

Я только помнила строку из хроники, где его имя стояло рядом со словом “предатель”.

— Лорд… Вольфен, — выдавила я.

На его лице ничего не изменилось.

Почти.

Только взгляд стал острее.

За спиной кто-то тихо вдохнул. Может, отец Бертран. Может, один из рыцарей.

Рейнард медленно опустил глаза на мою руку, где блестело брачное кольцо. Потом снова посмотрел мне в лицо.

— Дорога была тяжёлой?

Обычный вопрос. Почти вежливый.

Но в нём была проверка.

— Да, — сказала я.

— Вы помните её?

Я замерла.

Дождь стекал по его плащу. Во дворе стало слишком тихо.

— Обрывками, — ответила я.

— Удобно.

Слово было сказано без насмешки. Поэтому ударило сильнее.

Я сжала пальцы в складках платья.

— Я плохо себя чувствую.

— Это я вижу.

Он повернул голову к женщине у крыльца. Высокой, сухой, в тёмном платье, с тяжёлой связкой ключей на поясе.

— Леди Беренгария, проводите мою жену в её комнаты.

Мою жену.

От этих слов кожа на спине стала ледяной.

Женщина чуть склонила голову, но её взгляд прошёлся по

мне так, будто она уже посчитала все мои слабости.

Рейнард снова посмотрел на меня.

— Отдыхайте, леди Элианора. Вечером мы поговорим.

Я должна была кивнуть и уйти. Сделать хоть что-нибудь разумное.

Но вместо этого спросила:

— О чём?

На этот раз он действительно заметил ошибку.

Не вопрос. Тон.

Настоящая жена, воспитанная в доме де Рош, наверное, не стала бы так говорить с северным лордом посреди двора, под взглядами его людей.

Рейнард подошёл ближе. Не настолько, чтобы коснуться, но достаточно, чтобы я почувствовала запах дождя, кожи и холодного железа.

Он наклонился чуть ниже и произнёс так тихо, что услышала только я:

— О том, почему моя жена смотрит на меня так, будто уже видела мою могилу.

У меня пересохло во рту.

Я не нашла ответа.

А он выпрямился и добавил уже громче:

— Добро пожаловать в Волчий Утёс, леди Вольфен.

Ворота за моей спиной закрылись.

Глухо.

Окончательно.

Будто мир, из которого я пришла, остался снаружи.

Глава 2. Северный Волк

Леди Беренгария шла впереди так быстро, будто не сопровождала меня, а вела на допрос.

Ключи на её поясе звенели при каждом шаге. Тихо, сухо, раздражающе. Я смотрела на эти ключи и почему-то думала: в этом замке она открывает больше дверей, чем сам Рейнард Вольфен.

По крайней мере, для меня.

Во двор уже въезжали последние всадники. Мужчины спешивались, передавали поводья конюхам, стряхивали с плащей дождь. Никто не таращился открыто, но я чувствовала взгляды спиной. Южная жена приехала. Невеста, которую не ждали. Женщина из дома де Рош, которую теперь придётся называть леди Вольфен.

Моё новое имя скребло по коже.

— Подол выше, миледи, — не оборачиваясь, сказала Беренгария. — Здесь грязь не расступается перед благородной кровью.

Я машинально приподняла платье.

Тяжёлое, чужое, неудобное. Ткань цеплялась за сапожки, мокрый край уже потемнел. Я едва успевала за Беренгарией. В груди всё ещё прыгало сердце после слов Рейнарда.

“Будто уже видела мою могилу”.

Почти видела.

В книге. В хронике. В сухой строчке, где его жизнь свели к одному слову — предатель.

Мы поднялись по каменным ступеням. У входа стояли двое стражников. Оба поклонились Беренгарии глубже, чем мне. Это я заметила сразу.

Значит, титул титулом, но власть здесь у неё.

Внутри замок оказался ещё холоднее, чем снаружи. Воздух пах дымом, мокрой шерстью, воском и старым камнем. В узких окнах дрожал серый свет. Где-то далеко стучал молот — наверное, кузня. Из-за стены доносились мужские голоса.

Я ожидала роскоши. Гобеленов, ковров, слуг, золотых кубков. Ну хотя бы чего-то, что напомнило бы "замок" из туристических реконструкций.

Но Волчий Утёс не был красивым.

Он был нужным.

Толстые стены. Узкие проходы. Тяжёлые двери. Лестницы, на которых легко обороняться и трудно бежать. Даже большой зал, куда мы вошли, выглядел не праздничным, а военным: длинные столы, высокий очаг, щиты на стенах, потемневшие от дыма балки.

Над очагом висел тот же герб — чёрный волк на серебре.

Я задержала на нём взгляд.

— Запомните, миледи, — сказала Беренгария. — Теперь это ваш герб.

Я чуть не ответила: "Не мой".

Но вовремя прикусила язык.

Мой рот уже успел чуть не убить меня во дворе.

— Конечно, — сказала я.

Беренгария посмотрела на меня через плечо.

— Не слишком уверенно.

Я промолчала.

Мы пересекли зал. У дальней стены стояла группа людей: несколько мужчин в дорожных плащах, пожилая женщина с корзиной белья, худенькая девушка лет девятнадцати. Девушка сразу опустила глаза, когда я посмотрела на неё.

— Лия, — сказала Беренгария. — Будешь при леди.

Девушка присела в неловком реверансе.

— Миледи.

Голос у неё был тихий, как шорох мыши в стене.

Я попыталась улыбнуться. Получилось, кажется, плохо. Лия побледнела ещё сильнее.

Прекрасно. Собственная служанка меня боится.

— Марта подойдёт позже, — продолжила Беренгария. — Она отвечает за хозяйство. Слушайте её, если хотите, чтобы вас здесь не возненавидели окончательно.

— А если не хочу? — вырвалось у меня.

Беренгария остановилась.

Лия замерла.

Один из стражников у двери кашлянул и тут же сделал вид, что это не он.

Я поняла ошибку на полсекунды позже.

Здесь так не говорили. Не женщине моего положения. Не

в первые минуты. Не с тёткой мужа, которая явно могла превратить мою жизнь в ледяную яму без всякого труда.

Но Беренгария не вспыхнула. Она только чуть приподняла бровь.

— Тогда вам будет скучно, миледи. На Севере долго ненавидят только тех, кто выжил.

Я не нашла, что ответить.

Она снова пошла вперёд.

Мы поднялись по узкой лестнице. Ступени были неровные, скользкие. Я держалась за стену, стараясь не думать, сколько людей здесь разбивали себе головы в темноте.

— Где лорд Вольфен? — спросила я, когда тишина стала совсем тяжёлой.

— Там, где ему положено быть. С людьми, которые служат его дому.

— А я?

— А вы пока вещь, которую привезли вместе с дождём.

Слова ударили просто. Без злобы даже. Как факт.

Я остановилась.

Беренгария тоже. Медленно повернулась.

— Вам неприятно?

— Да.

— Хорошо. Значит, вы ещё понимаете, где находитесь.

Я сжала пальцы.

— Я его жена.

— По церковной книге — да. По постели — не знаю. По

дому — ещё нет.

Лия за моей спиной втянула воздух.

Мне стало жарко, хотя камень вокруг был ледяным.

— Вы всегда так встречаете новых родственниц? — спросила я.

— Только южных.

Она сказала это спокойно. Но в этом спокойствии было больше ненависти, чем в крике.

Я вдруг поняла: для них я не женщина, которая попала неизвестно куда и пытается не сойти с ума. Для них я южанка. Де Рош. Чужая кровь. Возможный шпион. Договор, навязанный их лорду.

И, судя по взгляду Беренгарии, ещё и не самая удачная.

Мы дошли до двери в конце коридора. Беренгария открыла её одним из ключей.

Комната оказалась просторной, но холодной. Узкое окно смотрело на внутренний двор. В углу стояла кровать с тёмным пологом, рядом — сундук, у стены — столик, кувшин с водой, маленькое зеркало, подсвечник. В очаге тлели угли, но тепла почти не было.

— Женская башня, — сказала Беренгария. — Ваши комнаты.

Лия быстро прошла к очагу и начала возиться с дровами.

Я осталась у порога.

Эти комнаты принадлежали Элианоре. Настоящей. Той, чьё лицо теперь было моим. Может быть, она уже стояла

здесь. Может быть, боялась. Может быть, ненавидела этот замок. Может быть, знала, зачем её отправили к Волку.

А я не знала ничего.

— Ваши сундуки привезут позже, — сказала Беренгария. — До ужина отдохнёте. Потом вас представят дому.

— Дому?

— Вассалам, рыцарям, старшим слугам. Всем, кто должен видеть, что лорд Вольфен не получил в жёны мёртвую куклу.

Я невольно посмотрела на неё.

— А получил?

Беренгария задержала взгляд на моём лице. Долго.Слишком внимательно.

— Пока не решила.

Она повернулась к выходу, но в дверях остановилась.

— И ещё, миледи. В этом замке не любят лишних вопросов.

— А какие вопросы здесь любят?

— Те, на которые вы уже знаете ответ.

Дверь закрылась.

Я осталась стоять посреди комнаты.

Лия возилась у очага, стараясь не смотреть на меня. Пламя нехотя поднялось, лизнуло сырое полено. Дым на секунду потянуло в комнату, и я закашлялась.

— Простите, миледи, — быстро сказала Лия. — Дрова отсырели.

— Ничего.

Слово вышло слишком мягким. Девушка удивлённо подняла глаза.

Я вдруг поняла, что Элианора, возможно, не говорила слугам “ничего”. Возможно, она кричала. Или молчала. Или улыбалась так, что люди боялись больше.

— Лия, — осторожно сказала я. — Ты давно здесь?

— С весны, миледи.

— А со мной… ты была раньше?

Она снова опустила глаза.

— В дороге, миледи.

— И какой я была в дороге?

Пальцы Лии замерли на полене.

— Вам было плохо.

— Это я поняла. А до того?

— Я не знаю, миледи.

Она соврала.

Плохо. Неумело. Но соврала.

Я сделала шаг ближе.

— Лия.

Девушка побледнела.

— Простите.

— За что?

Она молчала.

Я не стала давить. Пока не стала. Мне нужна была хотя бы одна живая душа в этом замке, которая не смотрит на меня как на письмо с ядом.

— Принеси воды, — сказала я. — И… если есть, что-то тёплое.

— Да, миледи.

Она почти выбежала.

Когда дверь закрылась, я подошла к зеркалу.

Там снова была Элианора.

Красивое лицо. Чужие глаза. Мокрые пряди у висков. Бледные губы.

— Кто ты? — прошептала я.

Женщина в зеркале не ответила.

Внизу, во дворе, раздался голос Рейнарда. Я не разобрала слов, но узнала тон. Короткий приказ. Спокойный. Без усилия. И сразу несколько мужчин ответили.

Так звучит человек, которому привыкли подчиняться.

Я подошла к окну.

Рейнард стоял у конюшен вместе с рыжим широкоплечим мужчиной. Капитан, наверное. Бренн Кальдер — имя всплыло из материалов хроники неожиданно, как пузырь из тёмной воды. Правая рука Вольфена. Верный до конца.

Рейнард снял перчатку и указал на что-то у ворот. Он не выглядел злодеем из хроник. Злодеи должны улыбаться над картами, отдавать тайные приказы, наслаждаться чужим страхом.

Этот просто работал.

И от этого было хуже.

Потому что история редко врёт полностью. Она выбирает,

какую часть правды оставить.

Рейнард вдруг поднял голову.

Я не успела отойти.

Он увидел меня в окне.

Даже с высоты башни я почувствовала, как его взгляд зацепился за меня. Не удивился. Не смягчился. Просто отметил: жена смотрит. Жена наблюдает. Жена делает выводы.

Я отступила первой.

Сердце колотилось.

— Думай, Алина, — прошептала я. — Просто думай.

Правило первое: не говорить правду.

Правило второе: не выглядеть слишком потерянной.

Правило третье: узнать, кем была Элианора, пока кто-нибудь не понял, что её больше нет.

На столике стояла маленькая шкатулка. Тёмное дерево, тонкая резьба в виде роз. Красных роз.

Герб де Рош.

Я медленно подошла.

Крышка открылась легко.

Внутри лежали ленты, несколько шпилек, флакон с густым сладким запахом и сложенный листок бумаги.

Я взяла его дрожащими пальцами.

Печати не было. Только тонкая красная нить, завязанная вокруг письма.

Я потянула за узел.

В коридоре раздались шаги.

Тяжёлые.

Не Лия.

Не Беренгария.

Я замерла с письмом в руке.

Дверь открылась без стука.

На пороге стоял Рейнард Вольфен.

Он посмотрел сначала на меня. Потом на письмо.

И тишина в комнате стала такой плотной, что огонь в очаге будто тоже перестал трещать.

— Уже нашли, что искали, леди Элианора? — спросил он.

Я сжала листок в пальцах.

И впервые по-настоящему поняла: в этом замке опаснее всего не холод, не стены и не чужие взгляды.

Опаснее всего — то, что я не знаю, кем была женщина, чьё имя теперь должна защищать.

Глава 3. Письмо без памяти

Рейнард не вошёл сразу.

Он стоял на пороге, мокрый после двора, в тёмном плаще, с рукой на дверной скобе. Вода стекала с его волос на воротник. За его спиной тянулся узкий коридор, серый от вечернего света.

Я держала письмо так крепко, что бумага смялась под пальцами.

Глу

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.